Дискуссия на съезде показала, что решение балто-славянской проблемы следует искать в комплексном применении разнообразных лингвистических методов. Прежде всего, с наибольшей степенью точности должны быть определены внешние связи балто-славянской группы (общие заимствования из нее и в нее, если таковые имеются) и — в отдельности — связи славянских и балтийских диалектов¹. Сравнительный анализ двух этих слоев заимствований может дать чрезвычайно много для локализации и хронологизации единства или позволит отвергнуть его существование в период, для которого какие-либо слова определяемы как заимствования.

Не менее важный материал должны дать исследования и этимологизация этнонимов² и топонимии (о чем подробно говорили на съезде М. Фасмер, проживший в свое время начало такому исследованию, и В. Сидоров). По-видимому, никогда не удастся доказать, что в ся гидронимика, например, Повисленья (Т. Лер-Сплавинский) или среднего Приднепровья (К. Мошинский) является чисто славянской (или гидронимика Подвижья — чисто балтийской), поскольку речные названия отражают наслоения самых различных эпох, вплоть до эпох доиндоевропейских. Более плодотворным кажется установление древнейших топонимических типов (рано утративших продуктивность) и установление их ареалов³.

Продолжение ряда внутренних изоглосс славянской и балтийской областей (в осо-

бенности лексических) на смежные балтийские и славянские территории⁴ позволит, вероятно, наметить области, бывшие первоначально переходными между славянскими и балтийскими. Вопрос о наличии таких диалектов оживленно дебатировался на съезде. Я. С. Отрембский, развивая свои мысли о переходном характере древне-прусского языка (правда, для более позднего периода), выдвинул идею о возможности наличия большего числа переходных черт в ятвяжских диалектах⁵.

Не менее важен лингвистический анализ локализуемых в пространстве терминов ландшафта (биологических и географических), причем анализ по возможности наиболее широкий, опирающийся на данные палеоботаники, палеозоологии и палеогеографии восточноевропейских областей⁶.

Разработка этих «внешнелингвистических» проблем плюс углубленное изучение явлений структурного порядка даст возможность прийти к некоторым географическим и хронологическим выводам о совместном или раздельном существовании славянских и балтийских диалектов. При этом относительные границы большей или меньшей степени конкретности (например, размещение балтов и славян относительно германцев и угро-финнов, относительно границы тиса и т. п.), пересекаясь друг с другом, дадут данные, достаточно точные для того, чтобы их можно было сопоставить с достижениями других наук, не доверяясь слепо этим достижениям.

В. М. Иллич-Свитыч

ВОПРОСЫ ФОНОЛОГИИ И ФОНЕТИКИ НА IV МЕЖДУНАРОДНОМ СЪЕЗДЕ СЛАВИСТОВ

На подсекции фонологии и фонетики IV Международного съезда славистов было заслушано и обсуждено 14 докладов, группировавшихся вокруг следующей проблематики: 1) историческая фонология, 2) построение фонологической типологии славянских языков, 3) анализ сосуществующих фонологических систем в славянских языках, 4) славянская акцентология и некоторые более частные проблемы. Если сравнить этот круг вопросов с соответствующими проблемами, обсуждавшимися на

I съезде славистов (Прага, 1929 г.), то обращает на себя внимание факт расширения фонологической проблематики, а также тот факт, что фонологический анализ стал применяться не только в области синхронии, но и в области диахронии.

Проблемам исторической фонологии славянских языков были посвящены доклады Ф. М а р е ш а (Чехословакия) «Фонологическая система праславянского языка и ее развитие в отдельных славянских языках», его соотечественника А. Л а м п р е х т а «К развитию западнославян-

¹ Интересные соображения В. К и п а р с к о г о см. в «Сборнике ответов по славянскому языкознанию», стр. 171.

² Они дают зачастую неожиданные, но ценные показания. Ср., например, венг. *lát* «славянин вообще», рум. местные названия *Tautęsti* (укр. [Закарпатье] *тоот* «купец» из румынского) < **touta*, что соответствует не дакийской, фракийской и германской (**teut-*), но балтийской форме.

³ Так, в свете известной гипотезы А. Мартине о *k*, *g* как рефлексах индоевропейских сочетаний с ларингальными гидроним *šlučь* (две реки в бассейне Припяти) является древнейшим образованием от корня, представленного этнонимом *Slověne*. Подготавливаемое в Берлине (по сообщению М. Фасмера) собрание русской топонимии даст бесценный материал для подобной работы.

⁴ Наличие таких изоглосс опровергает взгляд о полной недифференцированности праславянской языковой области или невозможности обнаружить эту дифференцированность [ср., например, «Сборник ответов на вопросы по языкознанию», стр. 267 (ответ С. Утешенного)].

⁵ Ятвяжскую речь, по мнению Я. Отрембского, отражает, например, литов. гидроним *Bilsas* (параллельно слав. **bělъ*, русск. *белесый*).

⁶ Прогресс в этом отношении представляет указанная книга К. М о ш и н с к о г о (стр. 24—66). Хорошим образцом подготовительной работы к трудам такого рода является книга: J. S c h ü t z. Die Geographische Terminologie des Serbokroatischen, Berlin, 1957.

ской фонетической системы» и С. Шаумяна (СССР) «Некоторые вопросы применения дихотомической теории фонем к исторической фонологии польского языка», в котором докладчик дал теоретическое обоснование методических принципов, применяемых им в книге «История системы дифференциальных элементов в польском языке». Кроме того, были сделаны и некоторые другие доклады по более частным проблемам исторической фонологии.

Несмотря на то, что все перечисленные доклады отражают достижения современной фонологии, между ними наблюдается некоторое расхождение в понимании задач фонологического исследования и в конкретных приемах метода анализа дифференциальных признаков. Это особо ярко ощущается при сопоставлении докладов С. Шаумяна и Ф. Мареша (методологически близок к Ф. Марешу и П. Ивич, известный читателям «Вопросов языкознания» по статье, опубликованной в № 1 за 1958 г.). Если для Ф. Мареша понятие дифференциальных признаков является вспомогательным при выяснении истории конкретных фонем, то у С. Шаумяна центр тяжести переносится на сами дифференциальные признаки, поскольку фонемы, по его мнению, — лишь «пучки дифференциальных элементов», а система фонем является лишь «производной от системы дифференциальных элементов». Если Ф. Мареш изучает, как изменяется система фонем в связи с определенными процессами, например с процессом делабialisации¹, действием так называемого закона открытых слогов, палатализацией и т. п., то С. Шаумян изучает, как изменяются дифференциальные элементы, их пересечение и объем (см., например, в докладе С. Шаумяна указание на то, что в период между XII и XVI вв. в польском языке из числа дифференциальных признаков выпал признак долготы — краткости, а объем признака назальности снизился за счет уменьшения количества носовых гласных, появились новые пучки дифференциальных элементов — фонемы *f* и *f'* и т. п.).

Далее, если Ф. Мареш, проследившая развитие системы, сосредоточивает внимание на тех конкретных изменениях, которые претерпела эта система в связи с определенными процессами (до и после процессов делабialisации, палатализации, падения редуцированных и т. п.), то С. Шаумян историю дифференциальных элементов в польском языке рассматривает в рамках трех синхронических срезов (периоды XII в., XVI в., современный польский язык), хотя основные процессы (утрата долготы, утрата закрытости гласными и т. п.) и не укладываются в рамки этих срезов; для С. Шаумяна важно лишь выбрать такие синхронические состояния, которые резко отличаются друг от друга.

Следует отметить, что работа С. Шаумяна является первым, пусть и не вполне удачным, опытом применения дихотомической теории фонем к диахроническому анализу смены фонологических систем в славянских языках (и вообще в каких-либо других): до сих пор эта теория находила довольно широкое применение лишь в трудах, посвященных синхроническому анализу различных языков. К сожалению, дискуссия о возможности применения дихотомической теории в диахроническом анализе не развернулась достаточно широко, хотя высказывалось общее одобрительное отношение к тому, что ведется работа в данном направлении.

Единодушным было мнение выступавших относительно применения фонологического метода к изучению вопросов диахронии; подчеркивалось лишь то, что не следует упрощать картину развития (как это можно отметить в докладе С. Шаумяна), т. е. нельзя видеть одну систему там, где есть и было несколько систем; надо шире изучать развитие системы во времени и в пространстве, смелее включать и диалектные данные (как это успешно делал в своем докладе П. Ивич). Отмечалось, что не следует отрывать систему гласных от системы согласных (такая тенденция обнаружилась в докладе А. Лампрехта), реляцию — от материи, от реалий (что прозвучало в докладе С. Шаумяна), ибо сама теория бипарности опирается на достижения экспериментальной фонетики. Указывалось, что необходимо учитывать явление нейтрализации противопоставлений в определенных позициях.

Другой центральной проблемой в работе подсекции была проблема построения фонологической типологии славянских языков. До недавнего времени наиболее распространенным было мнение о том, что ни фонетика, ни лексика не поддаются типологическому изучению и что типологические сопоставления возможны только лишь в аспекте грамматической техники.

Э. Станкевич (США) в докладе «О фонологической типологии славянских языков» убедительно показал возможность использования фонологических данных при типологических сопоставлениях. Широко используя диалектный материал всех славянских языков, докладчик предложил трехчленную их классификацию, которая не совпадает с географической и традиционной. В основу новой классификации легло наличие корреляции по палатализации согласных; при этом отчетливо выявились проблемы взаимоотношения между развитием системы согласных и системы гласных и различными явлениями в области просодии. Так, 1-й фонологический тип (северо-западные и восточнославянские языки, включая восточноболгарские диалекты), обладая корреляцией по палатальности, имеет два просодических подтипа: а) различительное ударение и б) различительное ударение и долготу. 2-й тип без различительной палатализации согласных допускает такие просодические типы: а) тон, б) долготу, в) ударение и долготу, г) уда-

¹ Ф. Мареш считает делабialisацию гласных общеславянским древнейшим процессом (*ŷ* → *ʃ*, *ỵ̂* → *ʃ̣*, *ŷ̄* → *ʃ̄*, *ỵ̂̄* → *ʃ̣̄*). Эта новая точка зрения не встретила серьезных возражений в дискуссии.

ренье. В 3-м типе нет различительной палатализации и просодических черт, здесь фонем меньше, чем в первых двух типах. 2-й и 3-й типы менее локализованы, чем 1-й.

В ходе дискуссии большинство выступавших отмечало важность фонологической типологии; было высказано пожелание о более широком использовании диалектных данных при ее построении. Говорилось о том, что в докладе Э. Станкевича допущены некоторые неточности и упущения фактического порядка (например, нет данных о четырехфонемной системе вокализма русских диалектов и др.). Высказывалось пожелание о создании типологии с учетом всех сторон языка и, кроме того, с привлечением данных соседних языков (так, например, отмечались общие тенденции в развитии консонантизма в ареале сербскохорватского, украинского, румынского и венгерского языков и тот факт, что по одним признакам в блок со славянскими вступает немецкий язык, а по другим — греческий и т. д.).

В связи с этим обсуждалась проблема о взаимовлиянии в области фонетики румынского языка со славянскими. Были заслушаны доклады А. Россети и Э. Петровича (Румыния), в которых широко рассматривалась проблема романо-славянской интерференции. Указанные доклады (особенно последний) построены также на основе анализа дифференциальных признаков.

Г. Кучера (США) в докладе «К вопросу о сосуществующих системах фонем в славянских языках» обратил внимание на наличие в фонетических системах славянских языков фактов, противоречащих системе в целом (ср., например, русск. *дѣло* — отсутствие смягчения *д* и редукции *ѣ*): на основе этих и подобных явлений и развивалась теория о наличии сосуществующих фонологических систем в пределах одного языка. Докладчик рассказал о некоторых закономерностях и пределах этого явления и поднял проблему о взаимодействии двух подобных фонологических систем с сосуществующими морфологическими системами. Этот доклад, как и доклады С. Шаумяна и Э. Станкевича, был построен на основе последовательного применения принципов дихотомической теории. При обсуждении доклада подчеркивалась необходимость различать существо-

вание систем и их взаимопроникновение. Все выступавшие отмечали продуктивность понятия «сосуществующих систем».

Проблемам славянской акцентологии было посвящено особое заседание подсетиции с докладами И. Хамма (Югославия) «Оппозиция ударения в славянских языках», Л. Булаховского (СССР) «Болгарский язык как источник для реконструкции древнейшей славянской акцентологической системы» и Г. Шустера (ГДР) «К вопросу о рефлексе старинных долгот в нижнелужицком языке». Здесь проявилась тенденция перенесения центра тяжести при решении акцентологических проблем на морфологию, на отдельные, зачастую разрозненные оппозиции (им. пад. ед. числа; род. пад. мн. числа и т. п.). Более продуктивным, видимо, является учет оппозиций целых акцентных парадигм как акцентных типов при учете и собственно фонетических данных.

Кроме перечисленных выше выступлений, было сделано также несколько докладов по другим, более частным проблемам, обсуждение которых значительно обогатило славянскую фонологию и фонетику главным образом фактическим материалом и отдельными приемами исследования. Однако обзор всех выступлений не входит в задачу данной информации.

В заключение хочется сказать, что известные методологические расхождения участников съезда не препятствовали взаимопониманию и все сообщения и выступления были заслушаны с большим интересом. К сожалению, не все существующие фонологические школы были представлены в равной мере. Особенно широко были освещены взгляды сторонников дихотомической теории. На очереди остается задача, с одной стороны, критической оценки дихотомической теории, а с другой — конкретной разработки проблем диахронической фонологии русского и славянских языков, проблем фонологической типологии и анализа сосуществующих систем на основе не только дихотомической, но и других фонологических теорий, в частности ленинградской и московской фонологических школ. Проверка старых фонологических приемов (на большом фактическом материале) и разработка новых — ближайшая задача наших фонологов.

В. К. Журавлев

СЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ В ЛЕЙПЦИГЕ В 1957/1958 г.*

1957/1958 учебный год, прошедший под знаком дальнейших социалистических преобразований, ознаменован в Институте славянской филологии при Лейпцигском университете новыми успехами. Наряду с большой педагогической работой продолжалась серьезная научная работа по славянскому языкознанию и литературоведению. Доктор Р. Ружичка, специалист по истории русского языка, исследовал проблему синтаксических заимствований в старославянском языке. Доктор Г. К и р-

х и е р, автор монографии о русских наречиях на -и, образованных от прилагательных, принимал участие в разработке русской грамматики для немцев, запланированной как коллективный труд. Доктор Г. Мейер, специалист в области общего языкознания, интересующийся также вопросами славистики, закончил свою работу о проб-

* По сообщению Института славянской филологии Университета им. Карла Маркса, 15 сентября 1958 г.